

Александр Дмитриевич Прозоров Репортаж о черном «мерседесе»

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159352

Аннотация

Реалистичные повести Александра Прозорова об обычном питерском журналисте, вынужденном по воле судьбы расследовать тяжелые преступления, не только доставят читателю удовольствие множеством неожиданных поворотов сюжета, но и предоставят возможность проверить свою находчивость. Кроме того, автор позволяет взглянуть на жизнь журналиста без лакировок и вспомнить реальности совсем еще недавнего времени, когда «мерседесов» на улицах было мало, бандитов – много, и каждый выживал, надеясь только на свои силы.

Содержание

Репортаж о черном «Мерседесе»	4
Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Репортаж о черном «Мерседесе»

Александр Прозоров

Репортаж о черном «Мерседесе»

Пролог

Солнце, едва прикрытое перистыми облаками, ярко светило над крышами, липкими от размякшего на жаре рубероида. Хлопотливо металась по Московскому проспекту машины, скучали мороженщицы под своими разноцветными зонтиками, шаркали ногами по асфальту увешанные сумками прохожие, на вполне приличном английском толковали о чем-то туристы перед ларьком с фальшивой «хохломой», звонко и радостно пели птицы. Никогда в жизни он не видел в городе птиц – разве только ворон, голубей и воробьев. Курицы еще мороженные на прилавках попадались. Но ни один из этих пернатых петъ не умел, а тут – на тебе! Заливается кто-то, как влюбленный жаворонок.

Главное, и жить-то птичкам певчим возле площади Победы негде. Раньше здесь, от Московского шоссе до Варшавской железной дороги, стояли яблоневые сады, но после начала жилищной застройки все сады вырубili в целях благоустройства, а вместо них посадили газонную траву и несколько чахлах кленов. Скворечника приткнуть некуда, не то что гнездо сплести.

И все-таки неизвестная пичуга пела свой громкий гимн теплему летнему дню, полностью отдаваясь хорошему настроению, словно и у нее лежал в кармане новенький загранпаспорт.

У Николая Ретнева этот чистенький, еще не потрепанный документ со штатовской въездной визой приятно оттягивал нагрудный карман рубашки. Последний день совковской жизни, последний раз он видит отъездившие морды ментов, сыплющиеся стены домов, гниющих в собственной блевотине алкашей, слушает ругань вечно недовольных баб. Завтра пузатый «Боинг» унесет его в свежую, сверкающую, ухоженную Америку. Унесет навсегда.

Николай прошел вдоль «Пулковского» универсама, повернул к двадцатидвухэтажному дому, одному из той парочки, что «... символизируют собой ворота города для въезжающих гостей» – как говорят экскурсоводы. На лифте не поехал, а зашел с черного входа на пахнущую мочой, скрытую в полумраке лестницу, начал неторопливо подниматься.

Вскоре стало светлее – солнечные лучи пробирались к пыльным ступенькам через распахнутые на каждом этаже двери. Преодолев почти два десятка пролетов, он начал задыхаться и вышел на балкон. Здесь, на высоте, воздух был свежее и прохладнее, а город казался всего лишь крупномасштабной картой: серые крыши, густые зеленые кроны; кое-где меж ними проглядывают плотные тропинки, а за зданием, похожим на школу, желтеет детская площадка, но малышни на ней нет – лето, все за городом.

Завтра и он навеки покинет эти каменные джунгли. Его ждет Майями, теплое море, золотые пляжи.

Николай перешагнул через перила и ступил на каменный карниз, идущий вдоль фасада. Карниз оказался довольно широким, почти со ступню, и двигаться по нему труда не представляло. Сейчас он обогнет дом вокруг, потом поедет домой, ляжет спать, а утром – в аэропорт, на белый «Боинг», к новой жизни!

До угла Ретнев дошел без труда, но здесь остановился, плотнее прижался к нагретому камню стены и попытался закинуть ногу за угол. С первой попытки у него ничего не полу-

чилось. Николай придвинулся ближе к краю, почти нависая за край фасада, закинул сперва руку, стараясь зацепиться кончиками пальцев за еле осязаемые шероховатости, потом забросил ногу и, почти теряя равновесие, попытался ступить на карниз.

Ступня скользнула вниз по гладкой стене, тело качнулось вперед, за пределы спасительного уступа, мгновенно вспотевшие ладони заскользили. В последней надежде он попытался впиться в бетон ногтями, но восстановить равновесие не могло уже ничего. Глазам открылся бесконечный простор, расстилающийся внизу, а в сознании с ужасающей ясностью вспыхнула вся необратимость происходящего.

– Нет! – захотел крикнуть он, но горло уже не подчинялось обезумевшему разуму.

– А-а-а-а!!!

Все дружно вскинули головы, но успели увидеть только промелькнувшую тень и услышать мокрый шлепок со стороны въезда на автостоянку.

Глава 1

Не знаю, что за паразит пролил масло прямо посреди проезжей части. Лично я хотел всего лишь объехать одну из колдобин, которыми так богаты наши питерские дороги. Может быть, чуть резче, чем следовало – но чего бояться на сухой и ровной дороге теплым летним днем?

Заднее колесо начало немного заносить, и я сделал то, отчего мотоцикл всегда мгновенно выравнивается: прибавил газу. Чертово масло! Колесо провернуло, мотоцикл свалился на бок, и мы с ним, громко скрежеща, вылетели на встречную полосу, прямо под колеса черного «сто девяностого» «мерседеса». Затрещали¹ тормоза. Я ощутил, что кувыркаюсь по асфальту отдельно от своего «ИЖа», еще несколько раз перекатился с боку на бок и остановился.

Буквально через пару секунд меня подняли сильные руки, сноровисто ощупали руки, ноги, ребра.

– Ну что, цел?

– Вроде цел, – ответил я.

Болело плечо, правый бок и нога, но это так, пустяки, дешево отделался. Несколько синяков на память, и все.

– Это хорошо, что цел, – кивнул высокий, коротко стриженный, плечистый парень в рубашке из мокрого шелка, просматривая мой бумажник, невесть как попавший к нему в руки. Деньги его не заинтересовали, права и техпаспорт тоже. Журналистское удостоверение он прочитал, и даже попытался сверить фотографию, но вряд ли мог рассмотреть под шлемом мое лицо. Одну из визиток, хмыкнув, сунул к себе в карман. Закончив обыск, оглянулся на машину: – Как там, Стас?

– Бампер раскололся, – ответил, вставая из-за капота другой парень, похожий на первого как брат-близнец. – На полторы тонны баксов попали.

– Слыхал?

Это относилось уже ко мне, но я предпочел промолчать.

– Опоздаем, Шура, – напомнил тот, которого звали Стасом.

– Иду. – Парень кинул мне бумажник и предупредил: – Мы тебе позвоним.

Дверцы «мерседеса» закрылись тихо, словно подушка на диван упала, звездочка на капоте подпрыгнула немного вверх и умчалась вместе с черным «купе» немецкого производства в сторону Обводного канала. Я поднял свой «ИЖ», откатил к обочине, поставил на подножку, присел рядом. На первый взгляд, все в порядке. Ну, дуга безопасности поцарапана, заднее крыло. Торец ручки «газа» продран до металла, зеркало свернуто. В общем, мелочи, на скорость не влияют. После первого же толчка кикстартера двигатель ровно зарычал.

Я оглянулся в сторону скрывшегося «мерседеса», пытаюсь представить, чем кончится эта история, потом махнул рукой, оседлал своего «конягу» и поехал к дому.

Позвонили дня через три. Вежливо, без всякого намека на иронию, поинтересовались здоровьем, а потом попросили подъехать на Васильевский остров для разговора по поводу аварии. Я поехал. Какой смысл прятаться, если твои координаты и место работы все равно известны? Только на лишнее хамство нарвешься.

По указанному адресу, посреди небольшого скверика, стоял любовно ухоженный трехэтажный детский садик. Ярко раскрашенные скамейки, качели, высокие бордюры из врытых в землю старых автомобильных покрышек, ровные песчаные дорожки, площадки для

¹ АБС сработало не у меня. А то бы не влип я в эту историю.

игр с горками, лестницами и миниатюрными деревянными башнями. Поначалу я даже засомневался, туда ли попал, но вскоре разглядел на третьем этаже закрытые жалюзи, и начал понимать в чем дело.

Помнится, пришлось мне разбираться с жалобой нескольких пенсионеров из дома на Карповке, как раз напротив недавно открывшегося монастыря. Несчастных ветеранов труда злобные работники ЖЭКа в угоду взяточникам-буржуям пытались выгнать на улицу из красного уголка, в котором они коротали свой скромный досуг. Осмотрев в подвале изрядно зачуханную каморку, огороженную большими фанерными щитами с набившими оскомину плакатами по технике безопасности я, еле сдерживая выплескивающееся наружу негодование, направился в местную домовую контору. И там полная усталая женщина довольно быстро остудила мой праведный гнев несколькими фразами:

– Пока ваши престарелые коммунисты под текущими трубами свой интернационал перед обедом поют, у меня три кровли уже рассыпались. Причем те же самые пенсионеры жалобами уже всю плешь проели. Я от двух торговцев, за право магазин открыть, потребовала ремонт крыши сделать, это раз, подвал они сами отремонтируют – не в гадюшнике же им бизнес свой разворачивать! – это два. Так что, если ваши старички перейдут со своими песнями в квартирке, то взамен получают полностью отремонтированный дом. Что для них важнее?

Материал мой тогда не взяли, сказали, что наше дело неимущих защищать, а не бездельников из ЖЭКов поддерживать. Зато я прекрасно понял, каким образом среди развалин старого фонда появляются чистые и опрятные дома. Просто кое-где берут не на «лапу», а на «хозяйство».

Въезжать через калитку в увитой душистым горошком оградке я не стал и обогнул садик кругом. Возле черного входа стояло несколько сверкающих иномарок, среди которых, возле двух замызганных «девяток», отдыхал запомнившийся мне «мерс». Я поставил мотоцикл рядом, пристегнул шлем к рулю велосипедным замком, немного пригладил волосы перед зеркалом заднего вида и направился к подъезду.

Искать ничего не пришлось: в трех шагах передо мной дверь парадной отворилась, невысокий, но широкоплечий – как раз по габаритам проема – мужчина быстро прощупал меня с ног до головы цепким профессиональным взглядом и посторонился:

– Вам на третий этаж, в приемную.

На груди охранника, облаченного в пятнистый комбинезон и кирзовые, с высокой шнуровкой, ботинки, белел не лишенный остроумия значок: «Служба безопасности детского сада N32».

В приемной, вопреки ожиданию, сидела не длинноногая острогрудая красавица за стеклянным столом, а слегка косоглазая, уже в возрасте, женщина, быстро стучавшая по клавиатуре компьютера. Справа от нее тихонько шуршал принтер, слева – сухо трещал факс, на столе за спиной высился большой ксерокс. Правда, ничего не делал. Не прекращая работы, женщина успевала зыркнуть то в одну сторону, то в другую: там распечатку с сообщением оторвет, здесь лист из принтера подхватит. Кроме того, она умудрялась время от времени снимать по очереди трубки трех телефонов, что-то там выслушивать, прижимая их к уху плечом, и молча кивать.

Не решившись сбивать ее с ритма, я просто вытянул из кармана визитку и положил ей на стол.

– Подождите минуточку, Валерий Алексеевич сейчас освободится, – указала она на диван меж двумя фикусами.

Садиться я не стал, подошел к окну. Даже отсюда был виден наискось оторванный край бампера, отчего машина напоминала скукожившегося щенка с отвисшей челюстью. А так – вроде больше никаких повреждений. Может, обойдется?

– Проходите, пожалуйста, – пригласила секретарша, и я решительно вошел в кабинет.

Кабинет тоже не блистал роскошью: стены закрыты «жидкими» обоями, пол застелен линолеумом, потолок просто побелен, без всяких «фальш» или «натяжных». Пара книжных полок, обычный полированный стол с лампой дневного света. Если бы я не знал, сколько стоит «Био-самсунг» в углу и двадцатидюймовый монитор на столе, то подумал бы, что попал в нищую фирму, еле сводящую концы с концами. К тому же в кабинете отсутствовал сейф, а значит, эта обязательная для любого офиса бандура сделана потайной, причем очень качественно, что тоже немалых денег стоит. В общем – богатая контора, проповедующая аскетизм.

Хозяин кабинета сидел за столом – лет пятидесяти, солидный, румяный, одет в темный, с зеленым оттенком костюм. Простенькие часы, похожие на «командирские», никаких колец или перстней на пальцах. Правда, заколка на строгом галстуке блеснула чем-то зеленым, и скорее всего, это было не бутылочное стекло.

– Значит, любишь кататься на мотоцикле? – спросил Валерий Алексеевич, оглядев меня с головы до ног.

– Самый лучший транспорт для города, – пожал я плечами. – Никаких пробок, в любую щель пролезет, бензина уходит мало, милицейский «радар» не берет – отражающая поверхность маленькая. И доставка: от дверей до дверей. Рекомендую.

– А если дождь?

– Ну, должен же быть у него хоть какой-то недостаток? К тому же, что плохо в дождь, то хорошо в жару: встречный ветерок обдувает, чем быстрее едешь, тем прохладнее, как бы солнце ни пекло.

– Интересная мысль, – усмехнулся хозяин. – Небось и стоит дешевле кондиционера?

Только теперь я обратил внимание, что в кабинете прохладно, а источника свежести опять же не видно. Это вам не совдеповский ящик в пол-окна, за такой кондиционер можно десять моих «ИЖей» купить.

Я выглянул в окно. Стоит мой двухколесный, никуда не делся.

– Да, да, – кивнул Валерий Алексеевич, – перейдем к делу. Значит, новый бампер стоит тысячу двести долларов, плюс работа, потеря внешнего вида и моральный ущерб. Итого, примерно шесть тысяч. Согласен?

– Да он целиком больше пяти тысяч не стоит, – фыркнул я.

– Может быть, – согласился хозяин. – Может быть, больше пяти тысяч он и не стоит...

Но в Дрездене. А еще его нужно перегнать, растаможить, зарегистрировать. И получается уже не пять, а пятнадцать, правда?

Валерий Алексеевич широко улыбнулся. Я в уме прикинул свои финансы: гараж в Авиагородке, даже вкуче с мотоциклом, на бампер к «Мерсу» не тянул. А больше у меня ничего не было. Разве только компьютер, да еще более старая дубленка, но они по нынешним временам больше трех бутылок пива не стоили.

– Да ты не беспокойся, – угадал мои мысли хозяин, – у меня есть хорошие специалисты. Они в любом случае эти деньги с тебя получить сумеют.

Меня его утешение почему-то не приободрило.

Валерий Алексеевич немного подождал, потом открыл верхний ящик стола, вытянул газету и бросил ее на стол:

– Твоя?

Это была статья под громкой рубрикой «Расследование ЧП».

Куда пропали отечественные лекарства? Не знаете? А я их нашел. Вот только расследовать оказалось нечего. Об этом кричали во все горло и питерский «Фармакон», и НИИ Онкологии, и Военно-Медицинская Академия, и все больницы. Кричали о том, что родная фармацевтическая промышленностьдохнет, а лекарства, которые она может выпустить, за

дикие деньги покупают за границей, о том, что уникальные препараты, которые за граница освоить не может, перестали производить вообще. Полный бред – наши больные вынуждены ехать на запад, искать там наши просроченные лекарства, в свое время поставленные на экспорт, и везти сюда. Препараты проверяют в лаборатории, продлевают им срок годности и используют. Думаете, это злобные происки иностранных конкурентов? Все намного проще. Просто, чтобы заказать наши препараты, нужно ехать в командировку в Санкт-Петербург, а чтобы французские... правильно. И никакие государственные интересы, никакие человеческие жизни этот маленький интерес маленького чиновника перевесить не могут.

Статья вышла, статью прочитали, про статью забыли. Не изменилось ничего. Единственный повод для гордости – некоторые из читателей пошарили по своим аптечкам, нашли названные в материале лекарства и привезли в НИИ Онкологии. Хоть нескольких больных из тысяч удалось спасти. Так что за статью эту я не стыжусь.

– Моя.

– Мне понравилось, – он убрал газету в стол.

– Спасибо, – пожал я плечами.

– Пожалуйста. – Он немного подумал, потом кивнул: – Ладно, обойдемся без морального ущерба и потери внешнего вида. Поступим проще. Этот несчастный «мерседес» ты заберешь себе, и делай с ним что хочешь. Хочешь, отремонтируй, хочешь, продай, хочешь, так ездь. Твои проблемы. А мне ты купишь точно такой же, чтобы я тоже ничего не потерял. Договорились?

Я промолчал. Не знаю, какого года выпуска битая машина, но за относительно новую на рынке до пятнадцати тысяч долларов просят. Чуть старше – десять. При моих гонорарах, это все равно, что миллион. Жизней пять работать надо.

– Соглашайся, – почти ласково посоветовал Валерий Алексеевич, – вдруг и вправду за шесть купить сможешь? Расходы получатся те же, зато с машиной останешься.

– На «девяносто пятом» ездит? – как бы раздумывая, спросил я.

– На «девяносто восьмом».

– Дорого.

– Зато какая машина!

Машина, конечно, хорошая. Только вот если «специалисты» доброжелательного хозяина и смогут вытрясти из меня шесть тысяч долларов, то оставят без последних штанов на много, много лет вперед. Какие уж тут «мерседесы» с их «девяносто восьмым» бензином?

Валерий Алексеевич наблюдал за мной с откровенным интересом, и ждал. Вот уж не знаю, чего. Наверное, того, что я раскушу потайную ампулу с цианистым калием и отброшу копыта у него на глазах, оставив без единого цента на память.

– Есть, правда, еще один вариант.

Воистину, телепат – второй раз мысли угадывает.

А хозяин кабинета тем временем встал из-за стола и подошел к окну, заложив руки за спину.

– Значит, так... – Некоторое время он колебался, потом с неожиданной щедростью предложил: – Давай, я тебе сразу доверенность на него выпишу, чтобы не сомневался?

– Нотариальную или от руки? – как-то само собой выскочило у меня.

– Можно и нотариально заверенную, – согласился он. – Только это будет чуть дольше.

Я промолчал, спохватившись, что «оформляю» шкуру неубитого медведя.

– Вызвать нотариуса? – спросил Валерий Алексеевич.

– В другой раз, – пошел я на попятный. – Успеем еще.

– Успеем... – Он опять надолго задумался, а потом резко перешел к делу: – Четыре дня назад один человек свел счеты с жизнью. Ретнев, Николай Викторович. Спрыгнул с двадцатидвухэтажного дома на площади Победы. Странно спрыгнул. И не с крыши – она закрыта, и

не с лестничного балкона – лежал он рядом с углом дома. Дело это ведет следователь Соловьев, с Расстанной. Больше мне пока ничего не известно. А я хочу знать все.

– Ну, так нужно обратиться к этому самому следователю Соловьеву и спросить у него.

– Спроси. Только есть такое подозрение, что и он мало что знает...

– Как-то все это не очень понятно, – закрутил я головой. – Можно обратиться в милицию, можно – к частному сыщику. Причем здесь я?

– Как причем? – Хозяин вернулся за стол. – Тебе нужен «мерседес» или нет? А то ведь можно вернуться и к предыдущим вариантам...

– Нет, так дело не пойдет, – рискнул возразить я. – Можно, конечно, использовать меня «втемную», но только тогда весьма мала вероятность получить нужный ответ, не говоря уж о том, что вполне может всплыть именно то, о чем вы тут так старательно недоговариваете.

Минуты три Валерий Алексеевич задумчиво барабанил пальцами по столу, потом решил:

– Скажем так, – начал он. – Гражданин Ретнев, погибший четыре дня назад, три дня назад должен был отправиться в Соединенные Штаты. Мало того, он уже успел приобрести билет и имел загранпаспорт. Согласись, не такое уж трагическое положение, чтобы выбрасываться из окна? А еще этот человек должен был вывезти некоторое, скажем так, имущество. Имущество, которое ему не принадлежит. Что еще хуже, оно принадлежит не только мне... А ведь самоубийцы обычно не забирают с собой накопленные капиталы, не правда ли?

– А вы не пытались найти это самое «имущество»? Ну, там, на квартире, или...

– Во всех «или», – перебил меня Валерий Алексеевич. – Не надо считать меня дураком. То, что можно было сделать без лишних глаз, мы сделали. «Имущество» отсутствует. Я хочу знать, где оно. Сложность в том, что, начни я поиски по обычным каналам, моя заинтересованность в гражданине Ретневе вполне может всплыть наружу, а вместе с ней и факт пропажи «имущества». Тогда мои «неприятности» рискуют стать «большими неприятностями». Ты меня понял?..

Ему явно хотелось добавить «кретин», но он сдержался.

– Этот вопрос должен разрешить человек, достаточно далекий от круга моих, скажем так, знакомых... Человек, далекий даже от меня. Вопросы и любопытство которого никак на меня не проецируются...

– Маленькое уточнение, – перебил я его, почуяв, что, чем дольше он объясняет мне очевидную вещь, тем больше сомневается в моих умственных способностях. – Вас больше интересует вопрос «имущества» или гражданина Ретнева?

– Колю мне тоже жалко, – искренне вздохнул он. – Пяти дней тебе хватит?

– Я попробую.

Выйдя из дома, я запихал визитную карточку Якушина Валерия Алексеевича поглубже во внутренний карман, напялил шлем, снял мотоцикл с подножки, сел сверху и только после этого попытался понять, в какую историю ввязался.

В наличии имелся джентльмен, утерявший некое имущество. Происхождение «имущества» явно не менее сомнительно, нежели происхождение капиталов всех членов нашего правительства², поэтому обращаться в милицию пострадавший не хотел. Попытка джентльмена найти пропажу самостоятельно могла привлечь внимание истинных владельцев, и тогда мой гостеприимный хозяин рисковал оказаться в столь же неприятном положении, в каком я сегодня оказался перед ним, а потому Валерий Алексеевич хотел сделать вид, что у него все чудесненько, все спокойненько и сидеть на попе ровно, – для вынуживания требовался кто-то другой, совершенно посторонний, внимания к себе не привлекающий и, лучше

² В период написания повести премьер-министрами были В. Черномырдин и С. Кириенко.

всего, вообще незнакомый со всей этой кухней – а то ведь продаст тайну моего работодателя как раз тем, от кого он ее так старательно пытался скрыть. С этой точки зрения предложенный гонорар – я покосился на отливающий глянец «мерседес» – казался вполне разумным. Сыскное агентство меньше не возьмет. К тому же, агентство за деньги в лучшем случае отчитается, но уж назад точно не отдаст, а на мне в случае неудачи зло всегда сорвать можно, да еще и должок вытрясти.

С другой стороны, мне терять тоже нечего. В худшем случае, с меня опять начнут вежливо выжимать компенсацию за аварию – с мясом и кровью. В лучшем... Когда еще такой случай представится?

Вот только, как узнать, что случилось с гражданином Ретневым? Хотя, может, следователь уже успел все раскопать? Как там его... Соловьев, что ли?

С органами расследования мне приходилось иметь дело только раз, когда я своими собственными глазами увидел, как недалеко от проспекта Славы строго одетая дама средних лет уложила на землю и повязала взрослого мужика. Оказалось, это был вор, застигнутый ею в прихожей родной квартиры. Звали женщину, помнится, Тамара Юсуповна. Вот нас троих и загребли в обшарпанное здание на Расстанной улице. Меня – для дачи свидетельских показаний.

То, что представительница слабого пола «замела» матерого рецидивиста, удивления не вызывает, – женщины наши, как известно, скаковых лошадей останавливают и по горящим избам постоянно бродят, – а вот две украденные, и потом отбитые в честном поединке шубы у пострадавшей изъяли в качестве вещественного доказательства, и она их потом полгода назад получить не могла. Вот и сдавай после этого преступников в милицию.хлопот больше, убытки те же.

К моему счастью, следователь Соловьев оказался на месте – если, конечно, сонный ефрейтор в каморке у дверей его ни с кем не перепутал. Я быстро поднялся на второй этаж, нашел двести двенадцатый кабинет, постучал, и сразу заглянул, чтобы разведать обстановку. Внутри комнаты стояли шкаф и два стола, на одном из которых громоздилась допотопная печатная машинка, очень напоминающая «Украину». На этом чуде отечественной механики пытался работать мужчина лет тридцати, в светлой рубашке с коротким рукавом. К своим годам мужчина успел обзавестись обширной лысиной, которая блестела от крупных капель пота – то ли голова перегревалась от напряженной умственной деятельности, то ли просто человек от жары мучился. В открытое окно веяло не свежестью, а зноем, обильно сдобренным выхлопными газами, и крепко жарило полуденное солнце.

– Вы не подскажете, где найти следователя Соловьева?

– Я Соловьев, – буркнул он, не отрываясь от машинки.

– Газета «Час Пик», Стайкин Сергей Александрович. Это вы ведете дело Николая Ретнева?

– Ретнев, Ретнев... – зажмурился он. – А, помню. Не веду, а вел. Дело закрыто.

– Как закрыто? – опешил я.

– Обычно. За отсутствием состава преступления. Самоубийство.

– Но, подождите... – забеспокоился я. – Он же лежал на углу дома, туда невозможно допрыгнуть с лестницы, а крыша была закрыта.

– Мог дойти по карнизу. Был там такой. На шестнадцатом этаже, кажется.

– Зачем самоубийце ходить по карнизу?

– А хрен их разберет. Следов насилия на теле нет, предсмертная записка есть: «Не могу расстаться с родиной». В Америку он собирался литься. Барахло все продал, квартиру. По его адресу только паркет да предсмертная записка осталась. Так что все чисто.

– Постойте, – попытался я взять разговор в свои руки. – Если человек собирался лететь за границу, у него должны были быть собраны вещи, деньги, документы. Где все это?

– Слушайте, – наконец заинтересовался он. – А откуда у вас такое внимание к этому делу?

– Согласитесь, – достал я журналистское удостоверение, – не каждый день проходим на головы люди падают. Вот читатели и любопытствуют, что и как.

– Его вещами тоже читатели интересуются?

– Вы же сами сказали, что нашли его квартиру пустой, – напомнил я. – Концы с концами не сходятся.

– Это уже не его квартира. – Вспыхнувший было в глазах следователя огонек погас так же быстро, как и появился, и он опять сосредоточился на печатной машинке. – Барахло он вполне мог сдать в камеру хранения, или еще где оставить. Всплывет потом, как неостребованное имущество.

– И вы не пытались узнать, где оно, почему он по карнизу гулять отправился?

– Слушай, парень, – не выдержал следователь. – На мне двадцать девять дел висит. Если буду обсасывать каждое, как леденец, на них десяти лет не хватит. Передай своим читателям, что у одного из эмигрантов от радости крыша съехала, и он к светлому будущему своим ходом полетел. Есть еще вопросы? Нет? Тогда иди отсюда. Без тебя головной боли хватает.

На улице удалось найти немножко прохлады только в тени деревьев Волковского кладбища. Я сел на скамейку перед входом, откинулся на спинку и закрыл глаза.

Итак, узнать все «на халяву» не удалось. Теперь нужно придумать, что делать дальше.

Про журналистские расследования мне самому не раз приходилось читать романы и смотреть фильмы. Вот только там никогда не объяснялось, каким образом эти лихие рыцари пера ухитряются не опухнуть с голоду, по месяцу гоняясь за каждой строчкой, если за машинописную страницу в газете платят два доллара. И то только после опубликования. На всякий случай уточню, что материалы размером больше двух-трех страниц не принимаются, и даже знаменитое «расследование», так понравившееся Валерию Алексеевичу, пришлось втискивать в пять листиков формата А-4 – да и такую исключительную роскошь позволили лишь ради убойного содержания. Итого: десять баксов. А данные я собирал почти четыре дня.

Впрочем, в книжках как-то не встречаются и следователи, ведущие двадцать девять дел одновременно.

Я достал блокнот, открыл последнюю страницу и записал все, что удалось узнать:

1) Ретнев Николай Викторович.

2) «Не могу расстаться с родиной».

Вот, кажется, и все. То, что «имущество» исчезло, и так ясно. Маловато для выводов. Я почесал ручкой за ухом и добавил:

3) Странно прыгает.

Однако озарения все равно не настало.

Интересно, а слово «Родина» в своей записке Ретнев с большой буквы написал, или с маленькой? Если сам прыгал, то наверное с большой. Однако исправлять в блокноте я ничего не стал. Никогда не поверю, что для эмигрантов родина с большой буквы начинается.

Глава 2

Дома я вытащил с полочки под подоконником кипу старых блокнотов, сложил их рядом с собой на диване и принялся перелистывать, в надежде на то, что в голову забредет какая-нибудь умная мысль.

Мысль не приходила. Не появлялась, не стучалась, не звонила. Не оставляла записок. Взамен возникали образы. В основном видения того, как «специалисты» Валерий Алексеевича могут добывать финансовые средства из несостоятельных должников. Не знаю, кому как, а мне известна только одна схема, классическая: уют спереди, а паяльник сзади. Каждый раз в заднем проходе начинало неприятно чесаться и я принимался лихорадочно перебирать старые записи. Увы, помочь они мне никак не могли. И главная проблема заключалась в том, что я привык записывать то, что рассказывают, а не вынюхивать то, что скрывают.

Тем, у кого при слове «журналист» тут же возникает образ великолепного Пандора³, советую открыть любую ежедневную газету. Из уголовной хроники вы почти наверняка обнаружите от силы пару заметок, причем скорей всего – пересказ сводки ГУВД. Остальное пространство занимают информашки о том, что было, что будет; статья о замечательном человеке, стоны по транспорту, плачь о лекарствах, немножко политической ругани, пара полезных советов, душевный материалчик о хорошем и положительном, и очень похожий – о плохом. Так вот, уголовщина и политика, – это не ко мне, к этой кормушке «черную кость» не подпускают, а все остальное – имею честь представиться: Стайкин, Сергей Александрович, газета «Час Пик», отдел социальных проблем. Что унюхаю, о том и пишу, – могу про помойку, могу про вернисаж, могу про лекарства, могу и про асфальт, каждый день новое, из расчета по два доллара за опубликованную машинописную страницу.

Я захлопнул блокнот, швырнул его в стену и откинулся на жалобно скрипнувшую спинку дивана.

Нет, конечно, у меня, как и у всякого репортера, бывали свои громкие расследования, – но это когда все орут в полную глотку: «Держи вора!», а внимания никто не обращает. А тут ты как раз мимо проходишь, глазками зыркаешь, ушками поводишь, и карандаш наготове... И с лекарствами так было, и с гуманитарной помощью. Все знают: крадут. Просто никто внимания не обращает. Расследуй – не хочу, никто даже на ботинок не плюнет, всем начхать. Еще и кофе нальют, чтобы не так скучно было. А здесь... Будь ты хоть журналист, хоть токарь, хоть библиотекарь, хоть малиновый орангутанг с верховьев Амазонки – никаких шансов.

Сразу стали вспоминаться разные боевики, где главному герою на первой же странице бьют морду, дабы не совался куда не следует. Счастливчики. Стукни меня сейчас кто-нибудь по носу – появится хоть мизерная зацепка. А так – глухо.

Я слазил в карман куртки за блокнотом, открыл на последней странице. Там хранилась вся добытая информация:

- 1) *Ретнев Николай Викторович.*
- 2) *«Не могу расстаться с родиной»*
- 3) *Странно прыгает.*

Небогато. Я взял ручку и приписал:

«В случае моей гибели даю согласие на то, чтобы мои органы использовались в качестве донорских».

³ Мой коллега из комедийного сериала про Фантомаса.

Может, хоть какая польза будет, если «специалисты» Валерия Алексеевича окажутся слишком напористыми. Впрочем, если снаружи погладят утюгом, а изнутри паяльником, органов может и не остаться.

Я ходил к книжной полке, снял томик «Записок о Шерлоке Холмсе», полистал. Если верить Конан Дойлю, мне надлежало пару суток подымить табаком в запертой комнате и хорошенько подумать над собранными доказательствами. Тогда ответ явится сам собой. Увы, я не курю, а потому поставил британского гения обратно, к «Словарю синонимов» и «Шри Ауробиндо», и опять взялся за старые записи.

В большинстве своем здесь попадались лекарства: цены, аптеки, производители. Иногда – благотворительные организации. Пара церквей, одна секта. Заметка про некоего «Сибирского самородка», очень лихо нагретшего небольшое питерское издательство и довольно известного английского философа. Таблица «продления жизни», где я пытался свести воедино медицинские советы о том, какие продукты полезны для здоровья, а какие вредны. Простудировав три справочника, я обнаружил, что все полезные продукты крайне вредны для здоровья, и наоборот, после чего бросил сие занятие. Нашел схему самодельной антенны ДМВ. К сожалению, к этой схеме у меня не хватало телевизора. Адреса и телефоны нескольких строительных фирм. Это к материалу о жилищных проблемах. Здесь тоже воруют все, но получается у них как-то по кругу, а потому и убытков никто почти не несет – только транспортные расходы. Несколько страниц, усеянных жирными параграфами: просто значки § с добавленными трехзначными числами и комментариями из двух-трех слов, значение которых уже улетучилось из памяти. Все это озаглавливалось именем, фамилией и телефоном.

И тут меня словно обдало холодной водой: да вот же оно! Вот он, мой маленький шанс!

Ольга Панаева на момент нашего знакомства работала судьей в Смольнинском районе. Именно она вопреки Жилищному кодексу оказала в иске Кировскому заводу, пытавшемуся совершенно законно выселить свою бывшую работницу – женщину с двумя детьми – со служебной жилплощади. Не поднялась у Оленьки рука выгнать бедолаг на улицу. Завод ее решение обжаловал, но суд высшей инстанции оставил приговор в силе. Вскоре после этого Ольга уволилась и подалась в адвокатуру. Злые языки утверждают, что она была единственным судьей, не бравшим взятки, и ее просто выжили, как «белую ворону». Надеюсь, все не так. Не хочется верить, будто правосудием заправляют одни жулики. В конце концов, ведь не только у нее хватило совести защитить человека от закона?! В силе приговор оставил уже совсем другой представитель юридической касты.

Кто еще даст совет, с какого конца браться за дело, как не судья, рассмотревший десятки, если не сотни дел? Главное, чтобы телефон с тех пор не поменялся, а то ведь не найти будет.

– Алло?

– Добрый вечер.

– Здравствуйте.

Голос женский. Ее или нет, я уж и не помнил, а потому на всякий случай спросил:

– Панаеву Ольгу можно к телефону?

– Я слушаю.

– Здравствуйте еще раз. Это Сергей Стайкин, из «Часа Пик». Помните?

– Помню... – голос ее заметно напрягся. – Что у вас случилось?

– Почему сразу случилось? – кольнула меня обида. – Неужели нельзя позвонить просто так? Узнать, как человек живет, что у него изменилось, что появилось нового.

– Вы знаете, Сергей, – вздохнула она, – когда после долгого перерыва вдруг вспоминают про знакомого адвоката, это обычно означает только одно. Поэтому, чем быстрее и яснее вы изложите, в чем возникли сложности, тем быстрее я смогу помочь.

– Да у меня действительно ничего не случилось! Просто я хотел спросить совета у опытного человека. Разобраться нужно тут с одним вопросом...

– Ну, вопросом, так вопросом, – не стала спорить она. – Вы знаете тринадцатую юридическую консультацию? На Васильевском острове? Подъезжайте туда завтра, к десяти часам. Вас устроит?

– Вполне, – кивнул я.

– Тогда до завтра, – и она повесила трубку.

Мне оставалось только выпить бутылочку пивка под сочную копченую скумбрию и завалиться спать.

Интересно, Валерий Алексеевич ведет отсчет с сегодняшнего дня или с завтрашнего?

Хорошо, пришло в голову купить, – ради встречи после долгого перерыва, – красивую алую розу, а то ведь опозорился бы, как сопливый студентик...

Тринадцатая юридическая консультация находится на Большом проспекте. Некий прижимистый хозяйственник ухитрился втиснуть ее в обычную квартиру из старого фонда, немного расширив коридор и врезав замок в дверь туалета. Подрулил я туда минут за десять до встречи, пристроился на стуле у стеночки и попытался вспомнить, как эта самая Ольга выглядит. Раньше мы сталкивались только в секретариате суда. Она сидела там за массивным, постоянно заваленным папками, книгами и толстыми журналами столом. Довольно упитанная, с длинными бесцветными волосами, да и вся какая-то блеклая.

И тут вдруг входит статная, подтянутая женщина в подчеркнуто облегающем красном костюме, с короткими светло-золотыми кудрями, кивает мне и говорит:

– Здравствуйте, Сергей.

Не помню, отвисла у меня челюсть или нет, но язык отнялся совершенно точно.

Когда такие женщины появляются в детективах Чейза, то это означает, что герой втюрится до клинического идиотизма, будет подставлен, предан, заложен и истреблен, и умрет со словами поруганной любви на устах. В общем, любой мужик, увидев нечто подобное, должен немедленно разворачиваться и уносить ноги, однако в тот миг я этого не сообразил. Я просто опешил от неожиданности и смог только механическим движением протянуть ей цветок.

– Идем, – кивнула она на ближайшую дверь. Даже «спасибо» за розу не сказала.

Кабинет не превышал размером того канцелярского стола, за которым она сидела в секретариате. В крохотную конурку непостижимым образом поместили маленький письменный стол и два стула, после чего оставшегося свободным пространства едва хватило на одежду вешалку.

– И что у вас случилось? – устало спросила Ольга, усаживаясь лицом к двери.

– Да, в общем-то ничего. Просто нужен небольшой совет.

– Сергей, – она демонстративно посмотрела на часы. – В три у меня на Фонтанке процесс, а к нему нужно успеть получить еще две справки. Поэтому давай не будем тянуть, а сразу перейдем к делу. Я адвокат, мне, как врачу, обо всем рассказывать можно. Такого наслушалась, уже ничем не удивишь.

– И все-таки мне нужен всего лишь совет. – Я успел немного свыкнуться с ее новой внешностью и говорил почти спокойно. – Один мой знакомый упал с шестнадцатого этажа.

– Свидетели есть?

– Чего?

– Того, как все случилось, – несколько раздраженно уточнила она.

– Да нет, – пожал я плечами. – Только те, кто снизу был.

– Вскрытие делали?

– Наверное. Следователь говорит, никаких следов насилия. Значит, делали.

– Наркотики, алкоголь?

– Вроде, ничего...
– Это хорошо, – кивнула она. – А то по пьянке порою такое вытворяют... Сами потом не верят.

– А еще он оставил записку. «Не могу расстаться с родиной».

– Сам писал? – тут же насторожилась Оля.

– А кто же еще? – удивился я, и вдруг сообразил: – Да ты что, думаешь, это я его из окна выкинул?

– Нет, не думаю, – покачала она головой. – При наличии предсмертной записки и таких результатах вскрытия дело даже в производство не возьмут. Явное отсутствие состава преступления.

– Уже не взяли, – подтвердил я. – Считают самоубийством. Вот тут мне и нужен совет. Я запнулся, подбирая слова, а потом предельно коротко объяснил:

– Это убийство. Мне нужно найти преступника.

– Ты, Сережа, на своих репортажах совсем голову потерял. Какой преступник? Ты ведь только что все факты изложил. Нет состава преступления.

– Есть, – попытался доказать я. – Человек собирался эмигрировать, у него уже заграничный паспорт в кармане лежал, билет на самолет. Какой смысл ему прыгать?

– Там же записка имеется, – улыбнулась она уголками губ. – В ней все написано.

– У него пропало все имущество.

– Это вполне естественно. Не будет же гражданин мебель с собой везти? Он все имущество реализовал. Превратил в деньги.

– Оля, – попытался уговорить я. – Ты просто поверь мне на слово. Я совершенно точно знаю.

– А где доказательства?

– Ты – мое доказательство! – не выдержал я. – Оля, ты же адвокат, бывший судья, у тебя огромный опыт. Я знаю, совершенно точно знаю, что это убийство. Забудь ты хоть на минуту свои привычки защитника, посмотри с другой стороны. Это убийство! Как мне найти эти самые «доказательства»?!

– Да, как бы и искать нечего... – она ненадолго задумалась. – Есть в твоих словах одно маленькое звено... Мебель... В тот момент, когда человек превратил все вещи в деньги, ограбить его удобнее всего. Но вот записка? Результаты вскрытия, опять же. Нет, – решительно тряхнула она головой. – Бездоказательно. Слишком уж все получается притяннуто. Твоего «убийцу» любой бы суд оправдал, хоть ты с понятными и вещественными доказательствами в руках его лови. Чистое дело.

– Оленька, – постарался я удержать ее мысль в нужном русле, – а что бы тебя, как судью, заставило усомниться в факте самоубийства? Такая вот странность: он не под балконом упал, он, похоже, сперва по карнизу в сторону отошел.

– Ну, это как раз в пользу подозреваемого говорит. Ведь не мог же он вместе с жертвой по карнизу разгуливать? Как считаешь, Сережа? А вот на счет усомниться... – она поправила волосы и попыталась было встать, но не хватило места. – Если бы таких, или похожих случаев обнаружилось несколько, то это уже повод для возбуждения расследования. Хотя, маловероятно. Как адвокат, я списала бы на совпадение, и все.

– Значит, – подвел я итог, – нужно искать похожие случаи самоубийств?

– Попробуй, – пожалала она плечами.

На улице рядом с моим «ИЖом» стояла белая старенькая «единичка», очень похожая на ту, на которой меня однажды подвозил олин отец. А может, это именно она и была. Я запоздало вспомнил, что не сказал своей давней знакомой ни одного комплимента. А мог бы и постараться ради внимания такой женщины.

Ладно, еще увидимся.

Издательство газеты «Час Пик» удобно устроилось на Невском, напротив метро «Площадь Восстания». Нашу вывеску там трудно не заметить. Под вывеской арка во двор, справа модная дверь из окованного стальной рамой стекла. Жизнь здесь течет волнами: то мы жиреем, как медведь перед спячкой, отстегиваем сотрудникам путевки выходного дня на Канарские острова⁴ и облицовываем лестницу белым мрамором, то внезапно скучнеем и считаем дни до неминуемого банкротства. Поскольку кормят меня ноги, лично я бываю здесь редко, да и то дальше нашей четырехста девятой комнаты обычно не хожу. Во времена блаженные у нас тоже собирались сделать евроремонт, ободрали все стены, начали белить потолок, потом пошли очередные разговоры о близком конце, все остановилось, и остался отдел социальных проблем драным навеки.

Люди здесь подобрались опытные, закаленные жизнью. Каждый раз, когда в стране начинаются волнения или беспокойства, все они как-то дружно оказываются за границей в командировке или в отпуске. Причем всегда в таких странах где и политического убежища попросить приятно. А перед президентскими выборами на работу вообще явились только двое: я и эхо.

В начальники нашему отделу досталась Таня Часнова – миниатюрная леди, которая всегда носит только строгие английские костюмы с широкими плечами, высоко взбитую прическу и вообще очень старается выглядеть суровой дамой. Получается плохо: человек она мягкий и дружелюбный. Но время от времени вдруг вспоминает, что должна руководить подчиненными и начинает «крутить нам хвоста». Так, однажды, когда я кропал материалчик о выставке народного творчества, она вдруг начисто забыла свой собственный афоризм: «Журналист должен уметь работать с телефоном, иначе ему никаких ног не хватит!», заявила, что собеседника нужно видеть лично (мне, а не ей) и отправила в даль светлую. И пришлось мне, бедному, ради блеклого двухдолларового репортажа три часа сидеть в куцем ателье рядом со Смольным. В другой раз она нежданно спохватилась, что журналист должен уметь работать с письмами, всучила жалобу какого-то чудика на плохую работу телевизора и дала три дня на все. Правда, надо признать, материал «О бедной антенне замолвите слово» к моему изумлению получился великолепный, благодаря своей (или моей) гениальности он был зачислен в разряд нетленки⁵ и напечатан без единой купюры (что редкость), хотя и превышал максимально разрешенный размер в полтора раза.

Головные боли нашего города вытягивают вместе со мной три милые женщины: Леночка Прувкина, бывший поэт, диссидент и кочегар котельной Мариинского театра, трудолюбивая и правильная до изумления, и очень близко к сердцу принимающая все беды нашего трудного времени. Когда на газету надвигался очередной финансовый кризис, ей пришлось поработать в рекламе, после чего она заказала перепланировку своей коммунальной на тот момент квартиры. Мои осторожные намеки на то, что если простой кочегар может заказать себе евроремонт, то жизнь, видимо, не так уж и плоха, Лена отмела с порога. Она продолжает верить в то, что человек не должен думать о себе сам. Его должно спасать от всех бед государство.

Наташа Сабельская, по совместительству учитель и психолог, та самая, которая опубликовала самый оптимистический прогноз нашего общего будущего: оказывается, нашу ситуацию полуголодные ученые смоделировали на травяных тлях – тех самых, которых «одомашнили» муравьи. У этих тлей, как известно, в ходе эволюции даже лапки атрофировались. Так вот, коварные экспериментаторы муравьев убрали. Думаете, все тли погибли? Нет! Десять процентов выжило, и даже отрастило себе новые ножки. Так что, выйдем не все...

⁴ Истинная правда, клянусь. Путевку дали секретарше редактора.

⁵ Нетленкой в газетах называют заметки, которые, в отличие от информационных или «горячих», не теряют со временем остроты и могут быть напечатаны в любое время.

Наташенька на своей собственной шкуре убедилась в том, что все журналисты – сволочи. К ней как-то подружка пришла, с радио, и разговорились они о проблемах образования. В кармане у подружки оказался диктофон. По ленинградскому радио почти полгода шла передача «Беседы со школьным психологом», а Наташа за все это получила аж пять долларов.

И, наконец, Женя Тыльева. Ее биография длинна, извилиста и неправдоподобна – достаточно сказать, что в ее трудовой книжке числится даже должность «Дирижер национального чукотского хора» – в тоже время она непостижимым образом выглядит лет на восемнадцать. Этакая глупенькая наивная девчужка. В свое время на такую наружность купился заместитель ныне забытого мэра города Анатолия Собчака товарищ Мутко. Он похвастался, какой прекрасный дом построил для инвалидов и ветеранов, предложил написать об этом подвиге городской администрации. Женечка съездила и написала. Честно и подробно, с фотографиями и комментариями... Бедного Мутко потом полдня в Смольном валерьянкой отпаивали. С тех пор он стал с милой девушкой очень вежлив и скромн. Боялся, видно, что может быть и хуже.

А еще в нашем издательстве имеется душа. Выглядит она женщиной, приближающейся к бальзаковскому возрасту, и носит вполне конкретное имя – Любовь Ивановна. Именно она, когда на Восьмое Марта мы рискнули на первой полосе поместить фотографию обнаженной девушки, на возмущенный звонок: «Почему вы над обращением мэра голую тетку напечатали?!» гордо заявила – «Если бы не обнаженная женщина, то обращение мэра вообще бы никто не заметил!» Какова Любовь Ивановна из себя, знают все – потому, что когда фотографам нужно вклеить куда-нибудь изображение руки, глаза, или коленок, бегут они именно к ней. Вполне можно навырезать из газет детальки и склеить полный портрет. Она следит за тем, чтобы автор каждой, даже анонимной, заметки был выявлен и соответственно вознагражден – в смысле гонорара. Она всех знает, всех помнит, для каждого всегда найдется теплое слово, всегда готова помочь, и не только советом. Она... да, впрочем, разве можно рационально объяснить, что такое душа?

– Здравствуйте, Любовь Ивановна.

– Привет, – она придвинула ко мне пачку свежих газет. – У тебя сегодня, вроде, бенефис. На третьей странице сразу четыре твои заметки напечатали. Одну с именем и фамилией, одну только под именем, одну с инициалами, одну вообще без подписи. Так что, поздравляю.

– Спасибо. – Я стащил себе сразу два экземпляра и спросил: – А начальство здесь?

– После обеда будет. Премию хочешь по такому случаю попросить?

– Дождешься у нас премиальных, как же, – усмехнулся я. – У меня интерес попроще. Скажите, Любовь Ивановна, а у нас есть связи с милицией?

– Не то слово! Отношения у нас с ними почти семейные⁶.

– Любовь Ивановна, а нельзя ли посмотреть, что у нас имеется по суициду? Не общую статистику, а те случаи, что в сводку попадали?

– Так сходи к Костику, посмотри.

– Любовь Ивановна! – взмолился я. – Вы же знаете, что за бордель у них на компьютере! Половину информации они переврали, половину потеряли! – и как мог невиннее намекнул: – А здесь, за дверью, все девственное и нетронутое, как утренний снег в брачную ночь.

– В какую ночь? – уточнила Любовь Ивановна.

– В зимнюю.

– Ох, – покачала она головой, – Подведешь ты меня под монастырь...

⁶ Главный редактор газеты «Час Пик» замужем за довольно высокопоставленным офицером ФСБ. Про эту свадьбу месяца три все средства массовой информации кричали по рубрикой: «Сращивание прессы и спецслужб», так что «затирать лапкой» сей факт смысла не имеет.

– Секундное дело, Любовь Ивановна, – я оглянулся в коридор и опустился на колени. – Горю! Пропадаю!

– Ты ничего не напортачишь?

– Все на ваших глазах, Любовь Ивановна. Только посмотреть.

– Ну ладно, только на одну минуту.

На самом деле меня смущал не информационный бардак в криминальном отделе. Просто я готов поклясться, что к ним доходит в лучшем случае треть того, что шефу от мужа перепадает. К тому же у Костика стоит «Макинтош», а он похож на мою любимую Ай-би-эмку не больше, чем носорог на бегемота. Ни хрена не разберешь!

Любовь Ивановна достала из ящика ключ и собственноручно открыла мне дверь в сокровищницу.

Я торопливо кинулся к оставленному включенным компьютеру, сходу задал команду поиска по тексту: слова «самоубийца»; «самоубийство»; «суицид». Пока машина трещала винчестером, достал бумажник, в котором, как и у всякого нормального человека, всегда лежали на всякий случай права, текстолон и чистая трехдюймовая дискета, сунул ее в дисковод и сбросил себе все, что удалось наковырять в памяти. Остановился, пытаюсь стряхнуть суетливость, и заставил себя четко обдумать – все сделал правильно, или чего-то забыл? Потом опять задал программу поиска и ввел новый ключ: «Не могу расстаться с родиной». «Вывалилось» еще несколько файлов. Вот теперь точно все.

Я от всей души поцеловал Любовь Ивановне руку и рванул домой.

От разгребания всех этих историй у меня осталось такое чувство, будто я очень долго ковырялся в помойке. Никогда не думал, что человек может быть столь изобретателен при сведении счетов с жизнью. Люди жрут все, что пролезает в горло, от пачек аспирина до закатанных в хлебный мякиш иголок, пьют тосол и тормозуху, режут вены, но большинство душится, причем самыми невероятными способами. Ладно, вздернуть свое брэнное тело на стреле башенного крана, – но как можно повеситься на дверной ручке? Или на трубе парового отопления? Много любителей надыхаться газом. Те, кто торопится, суют голову в духовку, кто любит удобства – укладываются в постель.

Помнится, в студенческие годы у нас несколько раз возникали споры, является самоубийца смелым человеком или трусом. Очень многие считали – чтобы взглянуть в глаза смерти, нужна немалая отвага... Их бы сейчас сюда, носом в монитор ткнуть.

Отец семейства утопился в ванной, потому, что не мог прокормить жену и двух детей. Можно подумать, теперь им стало легче. Некий мужик застрелился, когда узнал, что его вклад сгорел вместе с банком. Непонятно, кто для кого придуман, человек для денег или деньги для человека? Ладно бы бизнесмен какой, которому, как мне, без баксов паяльник в заднем проходе светит, а то ведь автослесарь, на новую иномарку копил. Молодой кретин напился карбофоса, когда узнал, что у него спид. Странное решение. Если так не хочется умирать, то зачем травиться? Согласно рекламе, с синдромом приобретенного иммунодефицита можно протянуть лет десять. По нынешним временам до такой смерти еще дожить надо. Обманутый с квартирой стекольщик в знак протеста подорвал себя гранатой под окнами директора. Почему эту самую гранату просто в кабинет не забросил? Наверное, Костлявой боялся меньше, чем начальника. И так далее, и так далее, и так далее...

Среди всей этой грязи мне удалось выудить сразу пять интересных случаев: две сестры оставили на пляже возле Петропавловской крепости свою одежду. В карманах брюк по записке – «Не могу расстаться с родиной». Было это еще в апреле, когда вода – градусов пять. Топиться в такую холодрыгу – бр-р... Тел не нашли.

В мае один нервный товарищ, растолкав оцепление, забежал на мост Строителей в момент разводки и сиганул с него в воду. Записку «Не могу расстаться с родиной» нашли у него дома.

Еще один прыгнул под поезд в метро, причем сделать ухитрился это так, что разбил стекло в кабине машиниста и кого-то поранило осколками. Предсмертное послание лежало в загранпаспорте, рядом с билетом на самолет.

И, наконец, пятый. Этот на улице Ленсовета забрался на вышку ЛЭП, с которой и грохнулся, причем смерть наступила от поражения током. У этого записки не обнаружили, но зато билет и загранпаспорт наличествовали.

Мой клиент – Ретнев – в списке не значился. Зажал его муж нашей начальницы, скрыл.

В приступе гордости рука потянулась к телефону, но дома у Оли никто не отвечал.

«У нее же суд в три, на Фонтанке», – вспомнил я.

Часы показывали пять. Я быстренько выпил кофе с бутербродом, скинул файлы обнаруженной пятерки на принтер, сунул распечатку в карман, и опять оседлал мотоцикл.

Старенькая Олина единичка выделялась среди сверкающих «ауди» и «БМВ», как ишак среди тюленей, – я пристроился рядом с ней и приготовился к долгому ожиданию.

От асфальта веяло жаром. Редкие мелкие облачка ничуть не защищали от летнего солнца. Не представляю, как в такое пекло можно в машине ездить? Душегубка ведь! То ли дело мотоцикл: свежий ветер, воздух, скорость. Никаких пробок. Наслаждение, а не средство передвижения.

Напротив, в Летнем саду, в шелестящей тени деревьев лениво гуляли парочки, восторженно носились детишки, читали газеты, сидя на скамейках, пенсионеры. Хотел бы я вот так же безмятежно на травке поваляться, да боюсь, пенсию платить никто не станет. Мысли внезапно перескочили на лекарства, на медицинское обслуживание, на пересадку органов. Слишком уж категорично отрицают работники прокуратуры и минздрава саму возможность нелегальных махинаций этого плана, чтобы им можно было поверить. А донорские органы дорого стоят, никакой «мерседес» не сравнится.

– Сергей? – Ольга удивленно приподняла брови.

Размечтался, не заметил как подошла. Вместо ответа я достал распечатку и протянул ей.

– Интересно... – Она, не отрывая глаз от текста, открыла машину. – Садись. Только дверцу не захлопывай, пусть проветрится.

– Сколько лет уже этому «жигуленку»? – спросил я, опуская стекло со своей стороны. – Не пора ли на новый пересаживаться?

– Новый? – хмыкнула она и открыла крышку бардачка. – Вот, выбирай цвет.

– Что это? – «отделение для перчаток» заполняли бумажки, похожие на корешки к касовым ордерам.

– Так ведь у нас, согласно Закона, каждому подследственному положен адвокат. Если он сам не может оплатить его услуги, защитника предоставляет государство.

– Ну и что?

– Когда кого-либо задерживают, следователь посылает мне вызов на пейджер. Я приезжаю, присутствую на допросах, потом говорю с арестованным. Если ему нужны мои услуги, то мы заключаем договор и работаем дальше. Если нет – мне выписывают такую вот квитанцию на оплату услуг. Там уже полтора бежевых «СААБа» лежат, не видишь?

Она протянула руку с длинными ногтями, покрашенными в цвет платья, и разворошила бумажки.

– Думаешь, заплатят?

– Нет. Но выбрасывать все равно жалко. – Она захлопнула бардачок.

Обручального кольца на руке не было.

Оля откинулась в кресле, перелистнула распечатку, покачала головой. В ушах зловеще блеснули оправленные в золото граненые рубиновые капли.

– Где ты все это успел выкопать?

– Сводки ГУВД за этот год.

– Понятно, – покачала она головой. – Пронырливое вы все-таки племя, журналисты.

В голосе ее прозвучали те интонации, которые появляются в голосе кока, увидевшего на камбузе сытую и довольную крысу.

– Работа такая, – на всякий случай сказал я.

– А ты знаешь, Сергей, – оторвалась она от бумажек, – что на свете существует тайна следствия, неприкосновенность личной жизни, моральные принципы, наконец?

– Конечно, знаю...

– Врешь, не знаешь.

– С чего ты это взяла?

– Скажи, Сережа, а ты мог бы спрашивать у матери, держащей на руках еще теплое тело дочери, что она почувствовала, когда увидела, как девочка выскочила на дорогу?

– Это было с тобой?.. – я почувствовал, как по спине поползли холодные мурашки.

– Это было при мне.

Она опять вернулась к распечатке. А мне почему-то стало зябко. Я захлопнул дверцу и поднял стекло. Ощутил на себе внимательный взгляд, повернул голову.

– Хорошо хоть врать не стал, – криво улыбнулась она.

– В чем?

– Что никогда бы так себя не повел.

– Не знаю, Оленька, – честно признался я. – Надеюсь, мне не придется попадать в такие ситуации.

– Ладно, вернемся к твоим пострадавшим. – Она тоже захлопнула дверцу и завела двигатель. – Если на поверхность так легко всплыли пять случаев, то на самом деле их было раз в шесть больше. Но: если бы гражданина Костенко столкнули на рельсы, он упал бы вниз. А если он расколотил стекло в переходной дверце кабины, то, значит, прыгал сам. С моста гражданин Копелевич тоже прыгал сам, причем при свидетелях. Про сестер не знаю, тут ничего не понятно, а что касается Рыжкова... Как ты себе представляешь, каким образом можно затащить на опору ЛЭП взрослого человека? Вот то-то и оно. Я вижу тут странные совпадения, но ни малейших признаков состава преступления.

– Как это, никаких?! Шесть одинаковых случаев! Ты же сама говорила!

– И еще раз повторю, – кивнула она. – Это подозрительно. Но каждая из ситуаций настолько чиста... В общем, совпадение.

– Но это убийства, Оля, совершенно точно убийства! Я ведь с самого начала говорил! И сходные ситуации нашел.

– Если это действительно преступления, то всех их должно что-то объединять. Точка соприкосновения. Убийца должен был знать, что человек уезжает, когда уезжает, где хранит ценности. К тому же, как я понимаю, родственников у погибших не нашлось? Иначе пропавших денег как минимум схватились бы. Должен быть хороший, осведомленный наводчик. Хотя, я все равно не понимаю, как можно совершить убийство при таких условиях.

– ОВИР?

– Не знаю, – пожала она плечами. – Может быть. А может, к ним приходила одна и та же домработница. Или проститутка. Или сантехник из ЖЭКа. Но что-то общее должно быть. Ты же журналист, вот и разнюхивай.

Я опять почувствовал себя крысой, но говорить ничего не стал. Только пообещал:

– Разнюхаю, – и вышел из машины.

– Сергей! – окликнула она. – Постой!

– Что?

– Извини, Сережа, я не хотела тебя обидеть.

– Хорошо.

– Да постой же! – Она вышла из душного салона на мягкий от жары асфальт. – Не сердись. Просто досталось нам от вашего брата. Вот и сорвалось.

– Я не сержусь, – попытался улыбнуться я. – При моей профессии и похуже доставалось.

– Сергей, – не успокоилась Ольга, – ты мне звони, если что-нибудь узнаешь.

– Позвоню.

– Сергей, – уже тише повторила она. – Если ничего не найдешь, все равно звони.

– Хорошо, – кивнул я, и добавил: – Оля, ты очень красива.

– Я знаю, – хладнокровно ответила она и опустила за руль.

До Невского проспекта мой «ИЖ» ехал следом за ее «жигуленком», но потом она повернула, и мы с двухколесным другом дали полный газ.

Все-таки Ольга меня разозлила. Или нет – скорее расстроила. И я вдруг сообразил, что есть у меня еще одна знакомая, которой можно задать несколько околоуголовных вопросов.

Алла Карловна, невысокая, небрежно одетая, вечно лохматая блондинка в неизменных огромных очках, работает главным бухгалтером в одной крепкой строительной фирме, и мало кто догадывается, что именно она и является ее истинным владельцем.

– Генеральный директор и главный инженер нужны для того, чтобы водку с клиентами жрать, да девок в бане трахать, – говаривала Алла, – а как до договора дойдет, все равно без меня ни одна бумажка не проскочит.

Мои наивные попытки узнать, достает ли ее рэкет, вызвали только смех:

– Да я без бандитов и дня бы не прожила, – объясняла Алла. – Они и от молокососов нахальных избавляют, и клиентов находят, и с налоговой разбираются, и с лицензиями. В этом месяце пробрили мне контракт на ремонт кровли в Смольном, на восстановление подвала в БДТ. Без них просто зарез. А берут – сколько даю, лишнего не рвут. Я когда фирму открывала, сама пришла к нужному человеку и сказала: «Хочу работать под вашей крышей». И уже через месяц перехватила у шведов заказ на строительство завода в Уткиной заводи.

Много она тогда интересного наговорила. Но вот назвать хоть одно имя отказалась, естественно, наотрез, да и свою фамилию упоминать не разрешила. Так что материала не получилось. А жаль.

Алла человек по-своему уникальный. Весь смысл бытия сводится у нее к работе, а прочего окружающего мира не существует. Питается только тем, что покупает по дороге в ларьках. В лучшем случае пользуется быстрорастворимыми полуфабрикатами. Дом для нее – это всего лишь место, где можно перекантоваться между трудовыми сменами, и больше всего напоминает не жилье, а берлогу. Звон будильника – радостная весть о начале нового насыщенного дня. Любовь – необязательное удовольствие, вроде рюмочки коньяка.

Наверное, нетрудно догадаться, что отношения наши несколько превысили рамки обычного интервью. Увы, долгого романа не получилось. Нельзя сказать, чтобы Алла была властной женщиной, но она никогда и ничего не меняла в своих планах и делах, никогда не шла навстречу, никогда не пыталась сделать хоть какой-нибудь шаг навстречу, предоставляя окружающему приспособливаться под нее. Я человек куда более мягкий и отзывчивый, но переделываться под нее целиком и полностью не хотел, и в наших отношениях наступил разрыв. Правда, подозреваю, что при ее складе ума этого разрыва она могла и не заметить. Не звоню – значит занят.

Телефон ее я еще помнил.

На том конце трубку снял мужчина. Я попросил позвать Аллу Карловну и через минуту услышал ее чуть хрипловатый голос:

– Да, я слушаю.

– Привет, это Сергей. Ты не хочешь сегодня вечером попить пивка?

– Хорошо. Я освобожусь в десять.

Вот так. Ни единого лишнего слова, никаких вопросов о том, удобно это мне или нет, почему так долго не появлялся, как мои дела. Она освободится в десять! Остальное ее не касается.

Однако до десяти оставалось еще три часа, которые следовало с толком использовать.

Я достал купленный полгода назад на «Казакова»⁷ лазерный диск с милицейской базой данных. Хоть он и считается чем-то не совсем легальным, но никакой особой информации на нем нет – только фамилии, адреса и телефоны, да еще номер паспорта. В общем, ничего секретного. Правда, очень часто большего знать о человеке и не требуется: две сестрички жили на Комендантском аэродроме; Копелевич на Чкаловском проспекте; Костенко в Купчино, а верхолаз Рыжков – на улице Ленсовета. А вот Николаев Викторовичей Ретневых выпало сразу два. Один жил на улице Трефолева, другой – на Передовиков. У меня сразу появилось ощущение, что оба – не те. Не знаю, откуда. Просто, так показалось.

Что ж, теоретическую часть расследования можно считать законченной. Теперь пора садиться на мотоцикл и ехать по адресам.

Лесовета, восемьдесят. Теплые сумерки наполняет густой запах лип, хотя самих деревьев я не увидел. Во дворе стоит типовой детский садик, между ним и домами раскинулся широкий пустырь с несколькими тропинками, выложенными бетонными плитами и десятком гаражей. На скамейке перед третьим подъездом чинно восседают две бабульки, одна из которых зажимает между колен деревянную клюку.

«Это к удаче», – подумал я, и на губах невольно появилась улыбка.

– Добрый вечер, – как можно доброжелательнее поздоровался я. – Вы не знаете, Игорь Рыжков здесь живет?

– Ну ты смотри, – удивилась та, что с клюкой, – сколько уж нет человека, а к нему все идут.

– Много приходят? – тут же заинтересовался я.

– А как же, – подхватила вторая. – Золотые руки у парня были. Чего только не делал! Бывает, видишь, затаскивают к нему в гараж какую-то рухлядь, смотреть не на что. Вон его гараж, коричневый который. А пройдет неделя-другая, глядь, а выезжает такая красавица, глаз не оторвешь. Сверкает вся, фары светятся.

– Через них и пропал, – вздохнула старушка с клюкой.

– Что, в аварию попал? – чуть не шепотом уточнил я, боясь спугнуть везение.

– Нет, – замахала руками бабуля. – Он и не ездил совсем. «Победа» у него была. Красивая, как новая. Поехал он как-то в выходной на перешеек, Карельский, познакомился там с иностранцем каким-то. «Жалко, – рассказывал, – отдавать, но уж очень он меня упрашивал. Коллекционер какой-то» Этот иностранец приезжал сюда, раза три. Игорек ему еще машину сделал. «Волгу» старую, с темным верхом таким, – бабка попыталась изобразить что-то руками. – А потом и сам за границу ехать собрался. Гараж продал, вещи. А тут вдруг слышим – разбился. С вышки упал. И чего его туда понесло?

– Жалко... – кивнул я.

– Очень жалко, – вздохнула бабка с клюкой. – Золотые руки у парня были. Смотреть приятно было, как он трудился. Все сверкало у него, все его слушалось.

– А вы сами здесь живете? Из окна его видели?

– Да, – несколько забеспокоилась старушка. – Вон мои окна, на третьем этаже.

– А как вас зовут? – я уже откровенно вынул блокнот.

– А что случилось, зачем?

– Все хорошо. Просто, мне интересен этот парень. Можно, я потом задам вам о нем еще несколько вопросов?

⁷ Рынок электроники в Санкт-Петербурге.

– А чего он вам? – продолжали сомневаться старушки.

– Ну, ему-то все равно, – напомнил я, – а вот память остается.

– Да, да, – поцокали они языком, и та, что с клюкой, призналась: – Марья Никитична я. Ты заходи, я Игоречка с детства знала.

– Спасибо, зайду.

В блокноте появились новые записи:

Автослесарь.

«Победа», «Волга».

Иностранец.

Не знаю, насколько это могло пригодиться в будущем, но дело, похоже, сдвинулось с мертвой точки.

В конце дома стоял круглосуточный ларек. Я посмотрел на часы, купил четыре бутылки «Балтики», кинул в заплечную сумку, вернулся к мотоциклу и неторопливо потарахтел в Веселый поселок. Алла как раз должна работу заканчивать.

На улице к половине одиннадцатого уже стемнело, а вот Аллины окна, наоборот, зажглись. Я подкатил к самому дому, посигналил, дал газу и заглушил мотор. По таким звукам меня трудно с кем-нибудь перепутать.

– Привет, – она посторонилась, пропуская меня в квартиру.

– Здравствуй, – я закинул шлем на полку и достал пиво.

– Четверочка, – одобрительно кивнула она, проходя на кухню. – Рулет будешь?

– Рулет с пивом? – поморщился я.

– О, подожди, – задумчиво вскинула она палец. – Кажется, у меня оставалась копченая рыба.

Алла полезла в холодильник, долго там громыхала, но ничего не нашла.

– Ну и ладно, выпьем всухомятку. – Я откупорил бутылку. – Как дела у тебя?

– Как-как. Мэрия, суки, денег ни хрена не платят, зарплату давать нечем, работяги того и гляди кипись поднимут. Прямо хоть сама иди им отдавайся. Как считаешь, возьмут?

– Понять неверно могут, – покачал я головой. – А вдруг просто зажарят и съедят?

– Запросто, – засмеялась она. – У нас народ такой. А у тебя как дела?

– Не знаю, Алла, – я допил свой стакан и потянулся за следующей бутылкой. – Тебе не знаком такой Якушин Валерий Алексеевич? У него контора на васькином острове, в детском садике? Серьезный человек, или можно плюнуть и забыть?

– Не слыхала, – покачала она головой. – Но завтра спрошу. Позвони мне после обеда.

– Интересно, какого рода деятельностью он занимается?..

– Я же сказала, завтра. А сейчас пошли в постель.

Вот так. Нет, понятно, что после двух бутылок пива за руль я сегодня уже не сяду, никуда уезжать не собираюсь, и спать мы будем под одним одеялом. Но какая-то она... прямолинейная.

А разрыва нашего Алла точно не заметила.

Глава 3

Начал я с самого сложного – с сестричек. Жили они в новостройках.

В старых районах люди знают соседей гораздо лучше: вместе растут, вместе ремонта требуют, вместе придумывают, как выкрутиться. Опять же, коммуналок масса, в них – как в одной камере, ничего от чужих глаз не скроешь. Увы, Комендантский район, считай, ново-рожденный, да еще спальный. Люди друг друга только в час пик, по дороге на работу видят, а это не самое лучшее время для знакомства. Бед у них общих еще не накопилось, квартиры отдельные. Ну, столкнутся изредка нос к носу, когда один двери отрывает, а другой еще закрыть не успел, вот и все. В лицо порой «земляков» не знают, не то что интересный фактик про жизнь близких рассказать. Ну, да деваться некуда.

Сестрички покинули этот мир из длинного синего «корабля» на Долгоозерной улице. Невероятная глушь. Одно удобство – рядом «кольца» почти всех видов транспорта, так что выбор есть, да и сидячее место всегда занять можно.

На шестой этаж я поднялся пешком, внимательно оглядываясь по сторонам. Ничего интересного: загадить подъезд еще не успели, разве только какая-то гнусь на четвертом потолке десяток спичек к потолку прилепила; краска на стенах блеклая, но не облупившаяся, свеженькая еще... Точно никто ничего друг про друга не знает.

На лестничной площадке шесть квартир. С виду все приличные. У неудачливых эмигранток дверь даже обшита жженой рейкой. Я позвонил на всякий случай, но никто, естественно, не открыл. Тогда начал обзванивать соседей. В двух квартирах никто не ответил, в третьей дверь неожиданно распахнулась, на пороге стояла девчонка лет десяти.

– Никогда не открывай незнакомым людям, – назидательно сказал я. – А вдруг я бандит?

– А у меня папа дома, – звонко заявила она. – Он пулемет чистит!

– Так шутить тоже не следует, – посоветовал я. – Кто-нибудь может поверить, вызвать милицию. Взломают дверь, устроят обыск, перевернут все вверх тормашками. Бывали прецеденты.

– А чего вы тогда звоните? – внезапно обиделась девчонка.

– Скажи, а ты знала тетенек из сто двадцатой квартиры?

– Знала, – хвастливо пискнула она. – Там теперь другая тетя живет.

– Ну, спасибо, – чего еще у такой пигалицы спросишь?

– Пож-жалуйста! – и она с силой захлопнула дверь.

– Кто там? – ответил на звонок женский голос из следующей квартиры.

– Здравствуйте! – вежливо начал я. – Скажите, вы знали сестер из сто двадцатой?

– А вам зачем?

– Стайкин, Сергей Александрович, газета "Час Пик", отдел социальных проблем, – пришлось начинать привычную канитель. – Мы готовим материал о самоубийствах среди молодежи. Так вы их знали?

– И знать не хочу! Шалавы! Сучки панельные. Туда им и дорога!

– Спасибо, – усвоил я полученную информацию и перешел к последней двери.

– А?! – откликнулся старческий хрип.

– Здравствуйте!

– А!?

– Вы знали сестер из сто двадцатой квартиры?! – перешел я на крик.

– Чего?!

– Вы знали сестер из сто двадцатой квартиры?!

– Кто?!

В общем, и здесь все ясно.

Значит, «шалавы». Про пьянь, наркоманов да проституткок обычно и вправду все знают, уж очень они портят жизнь окружающим. А с другой стороны, может этой тетке сестрички просто не нравились? В конце концов, раз они «за бугор» намылились, то деньжата имелись, а потому клиенты должны были посещать их солидные, не из тех, что пьяные песни орут и пустыми бутылками в стены кидаются. А значит, и такого внимания, как обычный притон, погибшие привлекать не должны. Я вернулся к двери пигалицы.

– Кто там? – на этот раз спросила она.

– Правильно, – одобрил я. – И открывать незнакомым не нужно, никому, чтобы они ни говорили.

– Совсем?

– Совсем, – подтвердил я. – Даже мне.

– Не открою, – пообещала пигалица.

– Скажи, – спохватился я о своем интересе, – а правда, что у тетенок часто бывали гости, приезжали разные дяди на красивых машинах?

– На «тойоте», на «форде», на «лексусе», на «паджеро» – внезапно поправила она. Я аж онемел от неожиданности.

– Еще на «крайцлере» приезжали, – добавила девочка.

– Спасибо, – спохватился я. – Большое спасибо!

Информации набралось не густо, но куда больше, чем ожидалось. Теперь можно гнать на Чкаловский. Там «старый фонд», там все будет проще...

... Но я никак не ожидал, что до такой степени.

Личность, открывшая толстую деревянную дверь, молча развернулась и ушла в глубь дома, оставив меня на произвол судьбы. В нос резко ударила плотная табачная вонь, застарелый перегар.

Сразу за прихожей, слева, располагалась кухня, в которой висел пар от забытого на плите чайника. Я выключил газ, потом направился по ярко освещенному коридору – прямо из него, во двор-колодец, выходили большие окна. Дальше внезапно обнаружилась большая светлая мансарда с застекленным потолком. Здесь валялось множество мольбертов... Ну, пять-то точно. На стенах висели картины. Некоторые сильно напоминали что-то музейное, некоторые были сделаны наполовину – часть полотна выписана с предельной тщательностью, а остальное только загрунтовано. По углам составлены рамы с натянутым холстом. Посреди всего этого царства рисования стояла девица в домашнем халате, с большой, слабо коптящей трубкой в зубах, держала в левой руке грязную палитру, в правой – кисть, и задумчиво ими помахивала, зажмурившись и тихонько мурлыкая.

Пахнуло явной психушкой. Я осторожно прокрался мимо и оказался в комнате, выложенной матрацами. В центре, на небольшой скамеечке, пребывала тарелка, с лаконичной щедростью усыпанная мелко порезанным рогаиком. Рядом имелись две пиалки и заварной чайник. Вокруг мини-стола валялись серые, сильно помятые бесполое личности в поношенных джинсах, засаленных суконных жилетках, с бисерными браслетами и бусами, и с длинными патлами. А я-то думал, что времена хиппи давно отошли.

– Ребята, – не особо надеясь на трезвый ответ, спросил я, – кто-нибудь из вас знал Копелевича?

Некоторое время они просто лежали, потом начали вяло шевелиться.

– Да-а, Копелевич это мужик, – задумчиво сказал один.

– Талант Копелевич, – подхватил другой, – таких больше нет.

– Человек, – прорезался женский голос, – жалко, что уехал.

– Таможня достала, – парировал кто-то еще. – Ничего не вывезти.

– Да, – подхватил женский голос. – Чем больше таланта, тем хуже живется.

– Нет, ну ведь свинство это, мужики! Почему я, сам, свои собственные картины вывезти не могу? Почему решение комитета какого-то спрашивать должен?

– Да тебя-то как раз никто и не вывозит!

– Ну и что? Я в принципе!

– Авантюрист был ваш Копелевич, – это подошла девица в халате. – То Сурикова пишет, то японскую гравюру на стекле, то языки под гипнозом изучает, то реставрируемые картины по новой переделывает, то таможню обмануть пытается. Чего ему тут не жилось? Денег не хватало? Славы? Только ведь в силу вошел!

Говорила она на удивление связно, не то что квелая масса, которая начала медленно, тягуче укорять:

– Ты-то как можешь?.. Он же тебя пригрел... Он к тебе с душой...

– Трудно понять, – повернулся я к ней. – Как это: таможню обмануть?

– Его последнее время охотно покупать стали, – вздохнула девица. – А вывозить не разрешают, произведением искусства считается. Вот он и решил туда съездить, прямо там работать. Талант, он ведь здесь, – она постучала себя кулаком по лбу, – его таможня конфисковать не может.

Оставленные без внимания хиппи постепенно затихли.

– Обкурились, что ли? – кивнул я на них.

– Не знаю, – пожала она плечами, – может быть.

– Если не секрет, а что вы делали там... в мастерской?

– Ничего. Просто мне его... не хватает.

Она неожиданно всхлипнула.

– Значит, вы знаете... – я запнулся, подбирая слова. – Про мост Строителей?

Она кивнула, губы ее задрожали.

– Уходите... Пожалуйста... – Вдруг она резко повернулась и убежала.

Приставать к ней дальше смысла не имело: кое-что, в первом приближении, узнать удалось, а если возникнут новые вопросы, то сюда, в отличие от Комендантского, всегда можно приехать и расспросить поподробнее.

В Купчино мне достался четырнадцатизэтажный дом-точка. Дверь в бывшее жилище новопреставленного раба божьего Костенко оказалась открытой, и там вовсю шел ремонт. Из соседней дома обитала только тетка в бигудях, которая дверь незнакомому человеку открыть решила, но про погибшего не знала ничего. Пришлось идти во двор и прочесывать греющихся на солнышке, как змеи по весне, пенсионерок.

– Здравствуйте, вы не знали Костенко, он в этом доме жил, на четвертом этаже?.. Извините. Здравствуйте, вы не знали Костенко, он в этом доме жил, на четвертом этаже?.. Извините. Здравствуйте... – и так до бесконечности, до зубной боли. Госпожа удача улыбнулась, наверное, на двадцатой попытке, когда я перешел к опросу гуляющих с колясками мамаш.

– Это Олежку, что ли? Конечно, знала. Мы с ним в школе вместе учились. Чуть не поженились даже. – Она вздохнула. – Разбился он. В метро под поезд бросился, дурачок.

– А почему «дурачок»?

– Да он всю жизнь любимчиком судьбы был. Школу кончил без экзаменов, в университет поступил вне конкурса. Распределили здесь, какой-то закрытый институт заявку дал. Потом, когда все рассыпаться стало, долго на грантах сидел. Это когда иностранцы деньги дают под какую-то работу. В интернете еще чего-то зарабатывал. Вот уж не представляю, как. Ладно, чей-то заказ неизвестно из какого уголка света можно выполнить, но деньги-то как получить? Они ведь здесь нужны, наши, конкретные.

Молодой мамаше явно надоело скучать в одиночестве, и она с удовольствием рассказывала все, что знала. Мне оставалось только молча кивать и мотать на ус.

– Потом вдруг уезжать начал готовиться. Кто-то там на работу его пригласил. Я, грешным делом, отговаривала. Какая там жизнь, какие люди – неизвестно. Мало ли что? Кто поможет, кто поддержит? Раскрой карман шире, поддержит: там даже говорить спокойно ни с кем нельзя! Так и норовят сожрать. То в сексуальных домогательствах обвинят, то в унижении меньшинств. Да и по английскому ему всегда тройка с минусом с трудом вытягивали. А он только смеялся. «Зато, – говорил, – я Ассемблер хорошо выучил. С ним нигде не пропадешь». А кончилось вот чем...

– Да, – сочувственно кивнул я и потянул на свет свой блокнотик. – Простите, а вы не оставите мне свой телефон? На тот случай, если возникнут вопросы.

– Какие вопросы? – моментально насторожилась женщина.

– Об Олеге Костенко. Понимаете, я из газеты, мы готовим материал о самоубийствах среди молодежи. Молодой, многообещающий парень, и вдруг – под поезд. Странно.

– А вы знаете, – тут же встрепенулась она, – у нас в квартире унитаз треснул, и протекает. Это ведь ЖЭК должен менять, правда? Мы уже полгода бьемся, а они только отбредываются, да обещают...

– Вы свой телефон дадите? – пришлось вежливо перебивать.

– Да, конечно.

Я записал ее координаты, спрятал блокнотик и предложил:

– Вика, хотите, историю расскажу, из своего опыта? Есть у меня приятель, в перелуке Гривцова живет, в коммуналке. Освободилась у них там комната, и он в соответствии с законодательством начал хлопотать ее себе. Под это дело заставили его делать перепланировку, – из отдельной в проходную комнатенку почему-то переделать требовали. Проект, комиссия, ремонт, новая комиссия. Все ведь официально пришлось оформлять, куча денег, нервов, грязи, сил. А как все сделал, началась волокита. «Да» и «нет» не говорят, мычат невразумительно, намекают, вроде не получится ничего. Он ко мне, «караул!» кричит. Я, честно говоря, обрадовался. Материал – шик-блеск-красота! И главное, чисто ведь, не придерется никто. Ну, и чтобы в суд за клевету не попасть, прошу: «Мне, Миша, на твои слова ссылаться мало. Ты напиши заявление, и пусть они тебе откажут», а сам уже руки злорадно потираю. Проходит неделя, другая – пропал друг мой Миша. Тут уж я сам к нему направился. «Где, – говорю, – обещанная бумажка?» А он: «Извини. Пришел я туда с заявлением, попросил отказ наложить, а они мне на следующий день ордер выписали». Так что, Вика, зря вы с ними бьетесь. Нужно просто написать заявление, принести и тихонько попросить проставить входящий номер. Клянусь, унитаз вам поменяют в течение недели. Нового не поставят, но исправный, пусть старый, найдут. Сейчас много людей свои удобства на фирменные-импортные меняют. Если ваш разбит, то это будет вполне приемлемый вариант.

– Господи, да конечно! Только вряд ли они... За неделю...

– Давайте договоримся так: вы пишете два заявления, одно отдаете в ЖЭК, секретарше там, или начальнику, а на втором просите указать входящий номер и дату. Если вам откажут, или не заменят сантехнику в течение месяца – звоните мне, Стайкин, Сергей Александрович, газета "Час Пик", отдел социальных проблем. Удивимся вместе через наше издание.

– Ой, спасибо вам, товарищ корреспондент!

– Да не за что. Тем более, что помощь моя, уверен, не понадобится.

Попав домой, первым делом я кинулся на кухню, сварилпельменей, отъелся за весь день и, икая от сытости, забрался на диван. Вытащил из кармана блокнот, раскрыл и вперился сонным взглядом в добытые сведения. Итак, у нас имелось:

1) *Ретнев Николай Викторович.*

2) *«Не могу расстаться с родиной»*

3) *Странно прыгает.*

*Автослесарь.
«Победа», «Волга».
Иностранец.*

Шалава.

*Суриков. Яп-гравюра. Реставрация
Талант, авантюрист, гипноз, таможня
Картины, популярность
Талант конфисковать нельзя.*

*Баловень.
Институт Граны Интернет.
Работа, трояк, ассемблер.*

Да, пожалуй, домработницы этих людей не объединяют. Сантехники у них тоже наверняка разные. И все-таки что-то в них было общее... Наверное, талант. Про «шалав» не знаю, но и про слесаря, и про художника, и про программиста говорили почти с одинаковым восхищением. Может, за гений и уничтожали? Какие-нибудь зеленые человечки, стремящиеся остановить человечество в развитии...

Бред. Есть меньше надо, а то кровь уж очень сильно от головы к желудку отливает. И так, где могут столкнуться столько разных людей, собравшихся уезжать; как засветиться перед неизвестным убийцей? Напрашивался ОВИР, но против этого имелось сразу три аргумента: во-первых, это слишком просто; во-вторых, у меня нет на ОВИР выхода; и в-третьих – государственная контора никак не вязалась с чистотой исполнения преступления. Должно быть нечто иное, неожиданное.

Слесарь, художник, программист, проститутки. Какая между ними связь? Как они попали в общую могилу? Может, как раз проститутки? Нет, на «крайцлеры» и «лексусы», помянутые юной следопытшей, никто из жертв не тянул, к «шалавам» явно не ездил. Тогда что?

Пельмени приятно согревали изнутри желудок, глаза начинали предательски слипаться, мысли ворочались еле-еле.

Такие разные люди. Какой же факт един для всех? Они покидали родину. А что вообще нужно человеку, уезжающему за рубеж? Документы – визы-вызовы-паспорта. Деньги. Билеты. Вроде все...

Я почти засыпал, и в полудреме сидел в розовый пузатый «Боинг», занимал место у окна, покровительственно улыбался непонятно лопочущим японцам и французам.

Ах, да – еще нужен переводчик.

Прошло не меньше минуты, прежде чем сквозь дрему к сознанию пробилась вся важность последней мысли, и уж тут сон мгновенно исчез:

– Есть!!! – подпрыгнул я на диване и дрожащими руками схватился за блокнот. – Есть! Нашел!

Никто из них не знал языка! Художник пытался выучить его под гипнозом, программист ограничивался Ассемблером. Готов поклясться, автослесарь тоже предпочитал калибровочные таблицы англо-русскому словарю. Сестричкам импортные слова ни к чему, иностранцы у нас ездят на такси, а «крайцлерами» пользуются свои, питерские.

Всем погибшим требовались курсы языка! Мало того, если это и есть их точка соприкосновения, то раз Копелевич учился под гипнозом, то остальные, получается, тоже. Им

вполне могли внушить принести деньги, а потом покончить собой! Все мгновенно встает на свои места.

Я потянулся к телефону.

– Алло, Вика? Это Сергей из «Часа Пик», мы с вами сегодня разговаривали.

– Да, да, конечно.

– Вы не помните, Олег Костенко успел выучить английский язык до того, как все случилось?

– Не знаю даже. Он собирался куда-то, хотел за один раз все получить, под гипнозом.

А успел или нет – не знаю.

– Спасибо вам большое, вы мне очень помогли.

Вот и первое подтверждение. Теперь нужно разобраться с гипнозом.

Есть в газетном деле такое правило: слово всегда нужно давать обеим конфликтующим сторонам. На практике это выглядит примерно так:

Узнаю я, что некий джентльмен является сволочью и сукой. Есть скажем, такие фактики – ксерокопия родословной, например, слова очевидцев, согласных увидеть свои фамилии на первой полосе. После этого я, как честный человек, звоню этому джентльмену, и говорю: «Имеется информация, что вы, сэр, сука. Не хотите опровергнуть или прокомментировать данное сообщение?» Джентльмен долго и изощренно матерится, обещает повесить, на березе, вверх ногами, за одно яйцо, а за другое дернуть. После этого в последних строках статьи можно смело приписывать: «Мы обращались к уважаемому сэру, но он не стал опровергать изложенных фактов». Может быть, такие повадки кому-то и кажутся утонченным садизмом, но на самом деле сие – морально-этические принципы.

Исходя из морально-этических принципов журналистики, я никак не мог приговорить гипноз как убийцу, не предоставив ему права на оправдание. Или, по крайней мере, не уточнив такую возможность у специалистов. И вот хоть здесь я имел возможность получить консультацию высочайшего уровня!

В свое время его мэрство Анатолий Собчак объявил немалую часть Карельского перешейка курортной зоной и ввел городской тариф на автобусный проезд. Но вот что странно – маршрут, ведущий к Институту Онкологии, почему-то остался пригородным. Больные, которые ежедневно отправлялись туда на уколы, выкладывали за проезд примерно пенсию в месяц. А куда денешься? Жить-то хочется. Два укола «таксама»⁸ стоят столько же, сколько новенькая «Ока» – в ближайшей аптеке не купишь, по знакомству в поликлинике не сделаешь. Так что бесплатное амбулаторное лечение вылетает в изрядную копеечку.

Как ни странно, но жалоба пришла не от больных, автобусников обругали из института. Вот так я и познакомился с одной из ярчайших личностей нашего города, да и всей страны – Михаилом Лазаревичем Гершановичем. Не слыхали? А в Соединенных Штатах его один раз даже таможенник без досмотра пропустил. Сказал: «Не могу рыться в багаже почетного гостя нашей страны». Так оно и бывает – живет человек здесь, а знают его в большинстве там, и нам завидуют.

Михаил Лазаревич Гершанович, член-корреспондент РАЕН, профессор, доктор медицинских наук, руководитель отдела химиотерапии в НИИ имени профессора Н. Н. Петрова, ведущий онколог города, в прошлом личный врач Анатолия Карпова, разработчик целого ряда уникальных лекарств и универсальной аптечки, ученик знаменитого Качугина. Тоже не имеете понятия? Если меня когда-нибудь выгонят из газеты, я сяду и напишу серию книг «Жизнь неизвестных знаменитостей». Первый кандидат – Гершанович. Второй – Качугин, талантливый советский химик, изобретатель «коктейля Молотова», теоретически предсказавший лечебный эффект гидрозинсульфата. Третий – академик Филов, Владимир Алексан-

⁸ Один из онкологических препаратов.

дрович. Мало кто знает, что этот медик мирового уровня учился на физика-атомщика, и одна лишь история о том, как он, получив образование стратегического значения, в сталинские времена пробивался в медицину, достойна целого романа. Для тех, кого «физик» поставил на ноги, открою страшную тайну: Владимир Александрович коллекционирует заварные чайники. Только, чур, я этого не говорил.

Мне доставило истинное удовольствие зарабатывать на истории о том, как американцы пытались реализовать Качугинскую идею, да не смогли. А вот в нашем НИИ Онкологии, что в поселке Песочный, довели до клинических испытаний и лечат им людей. И даже получили в США патент на «Методику лечения опухолей головного мозга гидрозинсульфатом». В приличных странах памятники таким людям ставят – ведь «сегидрин», как называли новый препарат, это первое неядовитое противораковое лекарство. Все прочие восходят корнями к незабвенному «иприту» и основаны на том жутковатом факте, что если больному давать дозы отравы, близкие к смертельным, то опухолевые клетки умирают чуть быстрее здоровых. Гидрозинсульфат же действует иначе и совершенно безопасен⁹.

Увы, не удалось рассказать о том, как авторам мешали – для того, чтобы обойти наших чиновников, пришлось организовать целый «карманный» институт, от имени которого дать ФРГэшникам лицензию на производство и уже оттуда возить лекарство сюда. Сегодня¹⁰ Россия – единственная страна в мире, где можно купить «сегидрин». Несчастливым иностранцам приходится ездить на лечение сюда или нелегально¹¹ вывозить лекарство на родину. Конкуренция в фармакологии – жуткая и кровавая вещь, особенно когда собственный минздрав на стороне противника.

Про Гершановича можно рассказывать бесконечно, можно написать про него захватывающий боевик а ля «Три мушкетера» или длинную научно-популярную биографию, можно смеяться над детской наивностью, с какой этот умнейший человек верит в силу газетного слова: с момента нашей первой встречи про автобусы я написал раза три, и даже лично в автопарк и в мэрию тыкался, все бестолку, всем начхать – хоть каждый день пропечатывайте. Все это неважно. Главное то, что если Михаил Лазаревич подтвердит, что моих бедолаг могли загипнотизировать насмерть, то никто на этой планете не рискнет ему возразить.

Часы показывали половину пятого. Значит, он еще на работе.

Гершанович довольно долго с кем-то общался, потом еще дольше не брал трубку, но в начале шестого, уже не надеясь на удачу, я его все-таки поймал.

– А, это ты, Сереженька? Вовремя. Ты знаешь, у нас тут торжественное событие. Для медсестер стоимость «проездного» для вояжа на работу стала выше зарплаты. Как они выкручиваются, не представляю.

– А вы как, Михаил Лазаревич?

– А я что? – удивился он. – Я же профессор.

Михаил Лазаревич пребывал в твердом убеждении, что умный и толковый человек не способен быть бедным. Раз профессор, значит голода может не бояться. Если только титул не дутый, естественно. Этим он в корне отличался от Прувкиной Лены, которая, не смотря на свой евроремонт, так же твердо пребывала в уверенности, что в нашей стране умный и

⁹ Теоретически препарат должен был препятствовать восстановлению молочной кислоты в АТФ. Поскольку организм одинаково успешно использует в качестве носителя энергии и то и другое, вреда это не принесет, а вот раковые клетки предпочитают именно АТФ, и без него дохнут с голоду. Однако последние исследования показали, что синтезу АТФ «сегидрин» не препятствует. Почему помогает больным? Неизвестно. Ехидная улыбка матушки-природы.

¹⁰ На момент написания повести.

¹¹ На западе «сегидрин» не разрешен на том основании, что до начала *успешных* клинических испытаний он не был проверен на обезьянах. У нас для таких опытов используют собак. На глазок это пристрастие к букве правил стоит жизни почти десяти процентам тамошних больных.

толковый человек может быть исключительно нищим. Сам я обычно склонялся к мнению Гершановича, а вот в дни выплат гонораров – к Леночкиному.

– Вы знаете, у меня тут возник вопрос один, – начал я. – Про гипноз.

– Вот тут я тебе, Сереженька, помочь не смогу, – прокричал он. – Не моя область. Плохо слышно тебя.

– А что мне делать?

– Не знаю, Сережа. Был у меня толковый паренек, психотерапевт на отделении. Линьков такой, Лень. Но сбежал. Как зарплату платить перестали, ушел работать на конюшню, куда-то на мясокомбинат. Видать, лошади ему дороже людей.

– Жаль...

– Ну, извини, Сережа. Мне идти нужно, тут гости приехали, – Гершанович не утерпел и похвастался: – из Японии.

– До свидания.

– Да, да, конечно.

Японцы зачастили в Песочный после того, как латыши заказали им испытания одного из наших новых лекарств. Точнее, это НИИ Петрова заключил договор на независимые лабораторные испытания препарата. Большую их часть латвийские ученые провели сами, а завершающую стадию, с обезьянками, спихнули в Страну Восходящего Солнца. Сэкономить решили. Так вот, самураи выставили им счет, втрое превышающий сумму контракта с нашим НИИ Онкологии. А сами повадились ездить в гости к авторам перспективных лекарств.

Я немного послушал короткие гудки, а потом повесил трубку. Помпы с резолюцией международного уровня не получилось. Придется наводить справки у простых специалистов. Ну и что, все равно я прав?

Несмотря на кажущуюся неопределенность, адрес специалиста имелся совершенно точный: мясокомбинатов у нас в городе всего два, и только у «Самсона» есть стадион с конно-манежной школой. Отправился я туда с утра – вдруг у них рабочий день только до пяти? Чего бензин понапрасну жечь? Линькова мне показали сразу. Вооружившись совковой лопатой и большой тачкой, он выгребал из дальнего стойла желтоватую грязь.

– Леонид? – на всякий случай уточнил я. – Здравствуйте.

Он выпрямился, тяжело дыша. Чуть синеватая майка на нем намочка от пота, плечи покрывал толстый слой пыли, нос блестел от крупных капель.

– Устали?

– Хотите попробовать?

– Нет, спасибо, – усмехнулся я. – В другой раз.

– Могу передумать до следующего раза-то! – предупредил он.

– Ну, значит не повезло, – развел я руками. – А обратиться к вам мне посоветовал Гершанович.

– А-а, Михаил Лазаревич, – покачал он головой. – А мне ничуть не стыдно. Когда моя работа в институте стала чем-то вроде хобби, то я решил делать задаром то, что нравится, а не то, что надо. Вы против?

– Я всего лишь хочу задать один вопрос, по вашей прежней специальности.

– Валяйте.

– Можно ли человека заставить совершить под гипнозом самоубийство?

– Нет.

– Почему нет? – удивился я.

– Это уже второй вопрос, – усмехнулся он. – Вы спросили, я ответил. Что еще нужно?

– Подождите! – у меня было такое ощущение, словно землю из-под ног выдернули и я в воздухе лапками перебираю. – Но ведь под гипнозом человек находится полностью во власти...

– Молодой человек, не знаю вашего имени! – перебил меня Линьков. – Вы пришли узнать мое мнение или навязать мне свое? Вам я ответил, а свое можете оставить себе на память. Меня оно нисколько не интересует.

– Постойте! – взмолился я, видя, как грубо разрушается такая стройная и красивая схема. – Мне это очень важно! Неужели нет способов заставить человека наложить на себя руки?

– Нет, способов масса, – громко расхохотался он. – Только к гипнозу они никакого отношения не имеют. А вы, молодой человек, похоже, дешевой фантастики начитались. Лучше бы газеты читали. Тут на Мурманском шоссе недавно бандит разбился. Гнал на большой скорости, а на дорогу пьяный забрел. Вот золотой наш и отвернул деревья считать. Главное, остановись он, так ведь убил бы ублюдка и не поморщился, а давить не стал. Почему? Потому, что подумать не успел, и действовал ин-стин-кти-вно. Запрет убивать себе подобного, а уж тем более себя, зашит у нас глубоко в подкорке и, даже пребывая в полном сознании, подавить этот запрет очень, очень трудно. А навязать свою волю другому с помощью гипноза, заставить совершить подобное не-воз-мож-но! Все. Вы довольны?

Я промолчал, не зная, что сказать. Мир рухнул, и нужно было собирать его снова, по крошкам, по кусочкам.

– Вы знаете, юный гость, – продолжал разглагольствовать Линьков, – я мораторий на смертную казнь поддерживаю. Но с одной оговоркой: на существо, убившее человека, никакие меры гуманизма распространяться не должны. Ведь это уже не наш соплеменник, он не считает людей своими братьями. Это представитель другого вида, просто опасное животное на двух ногах, не больше.

– А если бы вы хотели заставить загипнотизированного человека совершить самоубийство, как бы вы поступили?

– Знаете что, дорогой мой, – резко набычился он, – шли бы вы отсюда!

Линьков снова взялся за лопату.

– Постойте, – в третий раз попросил я и достал свой блокнот. – Может, это вас немного развлечет: Олег Костенко. Программист, математик. Говорят, многообещающий. Получил для своей работы несколько гранов, а потом и приглашение в Гарвард. Сходил на курсы изучения английского под гипнозом, после чего бросился под поезд в метро. Игорь Рыжков. Реставратор автомобилей. Молодой парень, золотые руки. Собирался поехать на выставку в Стратфорд с единственной сохранившейся «эмкой-кабриолет»¹² – привирал я, конечно, безбожно, но без этого нашему брату нельзя. – Пошел на курсы изучения английского языка под гипнозом, после чего спрыгнул с вышки ЛЭП. Копелевич. Художник, только-только набирающий популярность. Точнее, набиравший. После посещения курсов изучения языка под гипнозом он бросился в Неву с моста Строителей. Две сестрички, которые собрались выйти замуж в Соединенных Штатах...

¹² Не существует такой машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.